

От мусора до политики: приключения по ту сторону Сарины | De l'autre côté de la barrière de röstis: les aventures de deux conseillers nationaux

Автор: Ольга Юркина, [Берн](#), 04.01.2011.

Руди Нозер (слева) и Антонио Оджерс рассказывают о своих похождениях Швейцарскому телеграфному агентству (Keystone)

Ровно год провели в «другой Швейцарии» национальные советники Руди Нозер и Антонио Оджерс: первый из родного Цюриха отправился изучать французский в Версуа, второй на время покинул Женеву ради Берна и погружения в «немецкоязычную» культуру. Своим опытом они поделились со Швейцарским телеграфным агентством ATS.

|
Une année dans «l'autre Suisse». C'est ce qu'ont vécu les conseillers nationaux Ruedi Noser (PLR/ZH) et Antonio Hodgers (Verts/GE), l'un à Berne et l'autre à Versoix (GE). Ils évoquent avec l'ATS quelques différences entre ces deux régions.

De l'autre côté de la barrière de röstis: les aventures de deux conseillers nationaux

О разнице в культурах и менталитетах французской и немецкоязычной частей Конфедерации испокон веков ходят легенды. «Граница» между «двумя Швейцариями» проходит по реке Сарине (Зане), протекающей через двуязычный Фрибург, и со времен Первой мировой войны условно называется «Рёштиграбен»: «ров рёшти» в дословном переводе. Надо сказать, что традиционное блюдо из картофеля «рёшти», популярное в немецкоязычных кантонах, уже давно с успехом перебралось через тот самый метафорический ров, получив не меньшее признание во французской части страны, однако название осталось и по-прежнему делит Швейцарию пополам – по крайней мере, символически.

Жители страны с удовольствием рассказывают о своих похождениях «по ту сторону Сарины», лингвистическом и культурном опыте пребывания «у иноязычных соотечественников». Когда же речь идет об известных личностях, отправляющихся за Рёштиграбен, то их исповеди становятся просто сенсацией. Так произошло и с национальными советниками Руди Нозером и Антонио Оджерсом, отправившимися на один год в «другую Швейцарию» и испытавшими на себе разницу в мышлении и повседневной жизни, не говоря уже о языковых казусах. Своими размышлениями они поделились накануне Нового года со Швейцарским телеграфным агентством ATS.

Руди Нозер осваивает французский в Женеве (© Genevay Yvain)

Для начала кратко представим главных героев. Руди Нозер – национальный советник от Либерально-радикальной партии кантона Цюрих и владелец предприятия, занимающегося разработкой программного обеспечения в области телекоммуникаций. Из родного Ветцикона он решил переехать в Женеву с целью овладеть французским языком и лучше «понять» романдцев – в прямом и переносном смысле слова. Впрочем, сначала национальный советник кантона Цюрих собирался на несколько месяцев в Париж – постигать и оттачивать язык Мольера, но из соображений удобства решил, в итоге, переехать со всей семьей на один год в Женеву и обосновался в Версуа. Таким образом Руди Нозер мог без труда отправляться по делам в Берн и Цюрих, если того требовали обстоятельства, а свободное время посвящать курсам второго национального языка, до недавнего времени остававшегося для него темным лесом.

На вопрос о том, что сподвигло его выучить французский Руди Нозер назвал журналистам несколько причин. Во-первых, чисто личная: взять реванш над языком, который сопротивлялся ему в школьные годы и причинял страдания вместе с

природной безграмотностью. Во-вторых, перед предприятием телекоммуникационных технологий, принадлежащим Нозеру, открываются интересные перспективы во Франции, и президенту административного совета без языка было бы сложно добиться желаемых результатов. Наконец, политические причины: стыдно члену парламента в стране с четырьмя официальными языками знать один немецкий, даже если, по его словам, он и не планирует карьеры в Федеральном Совете...

Схожая «политическая» причина направила и Антонио Оджерса, национального советника от партии Зеленых кантона Женева, в Берн. В течение одного года он решил открывать и «осваивать» другую, неизвестную ему Швейцарию – от ее языка до культурных особенностей. По словам Оджерса, знание культуры своих соотечественников необходимо для любого политика, даже если он не собирается участвовать в федеральных выборах, и уж тем более – если собирается. Как бы ни развивались дальше события, Оджерс уверен, что опыт в Берне мог быть только позитивным и позволил ему увидеть и лучше узнать свою собственную страну, даже несмотря на трудности и промахи...

Антонио Оджерс на вокзале в Берне (© Florian Cella)

Например, с таким, казалось бы, простейшим объектом манипуляции, как мусор. Жилищный отдел муниципалитета в Берне несколько раз отказывался принять пакет с бумагой и картоном от женевского избранника в Национальный совет: «стопочка была недостаточно аккуратно связана». Ко всему прочему, сверхточные швейцарские немцы не смешивают неподобающим образом картон и старые газеты... Разве не провокация?

Впрочем, отношения с мусором по «романдским» правилам пришлось налаживать и Руди Нозеру. Со своей семьей он напрасно искал в магазинах официальные мешки, в стоимость которых включен налог на сбор мусора и его переработку, как это принято в немецкоязычных кантонах. Пока не узнал, что женевцы выплачивают свою таксу на мусор иначе. Инцидент не сказался на намерении цюрихского национального советника постичь тайны повседневности Романдской Швейцарии и ее язык. К тому же, его переезд в Версуа не прошел незамеченным для местной прессы и политиков, которые сразу же проявили необычайный интерес к «чужеземцу». Ему прислали приглашение на обед с политическими деятелями и банкирами и предложили вести собственную хронику в популярном журнале *Le Matin Dimanche*.

Антонио Оджерсу, поселившемуся в Берне, пришлось сложнее: таким радушным приемом он похвастаться не мог, ибо его приезд остался незамеченным. Не для того ли, чтобы привлечь внимание общественности, «зеленый» женевский парламентарий в марте месяце поднял вопрос об использовании диалекта в немецкой части Швейцарии и проблеме взаимопонимания швейцарцев? С этого момента пресса по ту сторону Сарины начала проявлять к нему интерес, но, по словам Оджерса, «переезд не был особым сюжетом разговора». Как же иначе? Его текст о лингвистическом будущем Швейцарии привел к себе гораздо больше внимания, ведь Оджерс позаботился о настоящем скандале.

Женевский национальный советник исходил из того, что в немецкой части Швейцарии диалекты используются гораздо чаще литературного языка, который, обливаясь потом, зазубривают франкоговорящие соотечественники на уроках в школе. Таким образом, даже владея немецким, они не находят понимания по ту сторону Сарины, что препятствует национальному сплочению. Если Оджерс отчасти сделал верное замечание насчет качественного отличия диалекта от литературного языка – немецкий Гете не является на практике языком общения в немецкой части Швейцарии, – то его предложения по выходу из лингвистического кризиса спровоцировали острую полемику.

Первый сценарий – запретить использование швейцарского немецкого в общественных местах и на официальных заседаниях в пользу литературного немецкого – вызвал негодование носителей диалектов. Причем такое, что текст Оджерса некоторые из них даже не дочитали до конца и так и не узнали, что женевский парламентарий ничего против швейцарского немецкого не имел. Ибо вторым сценарием развития, предложенным им, было провозглашение швейцарского немецкого национальным языком и даже – введение обязательного изучения диалектов «Schwyzetdütsch» в романдских школах параллельно с курсами литературного немецкого. Это чуть было не спровоцировало другую полемику, на этот раз – во франкоязычной части Швейцарии, школьники которой не слишком в ладах с немецким.

Наконец, третьим предложением по достижению языкового консенсуса, выдвинутым Антонио Оджерсом, стало введение единого «политического» языка и в этом случае, самым подходящим кандидатом оказывался... английский. Отвечая на вопросы журналистов, заинтересовавшихся оригинальной гипотезой, женевский национальный советник подчеркнул, что в реальности официальным языком немецкой части Швейцарии является Schwyzetdütsch, и необходимо с этим считаться. Надо отдать должное романдцу, сам он записался на курс швейцарского немецкого, и немногие из франкоязычных коллег последовали его примеру.

Теперь Руди Нозер гораздо лучше понимает своих франкоязычных соотечественников (© Keystone)

Легко догадаться, что у цюрихского национального советника подобной проблемы с французским не возникло: в Романдской Швейцарии, за исключением региональных лексических особенностей, говорят на том же языке, что и в Париже. Впрочем, от этого язык Бодлера не показался Руди Нозеру более легким. Одним из самых больших его страхов на протяжении всего года было вернуться в Цюрих, не сделав значительных прогрессов во французском или достигнув гораздо меньших успехов, чем его собственные дети... «Если я решил обосноваться в Женеве, так это потому, что я испытываю желание понять романдцев, давать интервью на французском языке. Я говорю только на одном национальном языке и считаю, что из уважения к носителям романских языков в нашей стране необходимо владеть хотя бы французским. К тому же, жители Романдской Швейцарии необычайно творческие личности. Понимать их идеи важно, чтобы находить правильные решения в Берне».

Со Швейцарским телеграфным агентством Руди Нозер и Антонио Оджерс поделились самыми яркими впечатлениями от разницы в менталитетах по ту и иную сторону Сарины. Женевскому избраннику в Национальный совет бросилось в глаза, что у швейцарских немцев развит комплекс неполноценности по отношению к жителям Германии. В то время как Романдская Швейцария не испытывает подобных же чувств по отношению к французам. Особенно его заинтересовала дискуссия о немецких студентах в цюрихских университетах: подобный спор был бы просто немислим в Женеве, считает Оджерс. К слову, с ним согласны многие представители науки и мысли в романдской части Швейцарии.

Со своей стороны, Руди Нозер упрекают Женеву во враждебном отношении к приграничным районам Франции, жители которых работают «на швейцарской стороне». Антонио Оджерс возражает на это замечание, что в Романдской Швейцарии, в частности, в Женеве, люди, приезжающие на работу из приграничных районов, заняты в сфере услуг и строительства, речь идет не о медиках и профессорах, приезжих из Германии, как в Цюрихе. Впрочем, с последним наблюдением можно поспорить: французы работают в Женеве и в университетах, и в больницах.

Оба национальных советника единодушны во мнении, что их лингвистические регионы совершенно по-разному относятся к проблеме иностранцев. В Романдской Швейцарии более гибкая политика интеграции, - заключает Антонио Оджерс. В то же

время, что касается социальной политики, женеvский национальный советник надеется на благотворное воздействие немецкой Швейцарии. На романдской части сказывается влияние Франции, в которой позиции государства необычайно сильные. «В Романдской Швейцарии люди очень многого ждут от государства, даже если индивидуализм, парадоксальным образом, силен», - соглашается Руди Нозер. «Напротив, альпийская культура жива в немецкой части Швейцарии: в горах возможно выжить только благодаря взаимопомощи - в то же время мы мало ожидаем от государства».

Антонио Оджерс мечтает разговаривать с коллегами в Берне на швейцарском немецком (© Béatrice Devènes)

Существенную разницу заметили оба «добровольных ссыльных» и в манере управлять страной. «У нас развиты широкие политические взгляды», - считает женеvский национальный советник. Однако нам недостает прагматизма. Немецкая Швейцария предпочитает руководствоваться в политике прагматизмом, но остается пленницей формальностей. Несмотря на различия в языках и культурах, лингвистические регионы прекрасно уживаются друг с другом, - резюмирует Антонио Оджерс. Руди Нозер уверен, что концепт Конфедерации оставляет достаточно свободы действия регионам в определении того, что означает для них «Швейцария». Однако, добавляет он с грустью, «если однажды Швейцария больше не будет моделью успеха, между регионами очень быстро произойдет разрыв».

Личные впечатления от путешествия в другую часть страны остаются позитивными. Цюрихский национальный советник убежден, что житель немецкой части Швейцарии сможет гораздо продуктивнее заниматься политикой в Берне после стажировки у романдских соседей». Антонио Оджерс чувствует себя отныне в большей степени швейцарцем, чем женеvцем, и - гораздо богаче. «У меня появились более ясные идеи того, что хорошо и менее хорошо во французской и немецкоязычных частях страны». Во время годовой «стажировки» в Берне Антонио Оджерс много путешествовал по ту сторону Сарины - в кантоны Граубюнден, Цюрих, Базель - и не смог не оценить чистоту и порядок немецких городов.

«Качество организации урбанистического пространства просто невероятное. Они смогли развить живые городские центры, с эффективной системой общественного транспорта, меньшим количеством машин. Трамваи, велосипеды, террасы: города принадлежат пешеходам». Что касается доступа к берегам рек и озер, то Берн и Базель для женеvца остаются эталоном. «Здесь купаются и прогуливаются семьями,

как и в Цюрихе, где оборудованы и открыты для всех пляжи на берегу озера. Что немисливо в Женеве», - заключает Антонио Оджерс.

Может быть, успех страны, независимо от лингвистических и культурных различий регионов, заключается в том, чтобы брать друг у друга только самое лучшее?

Статьи по теме

[Chunsch druus? Дошло?](#)

[Налог на мусор](#)

[Швейцарская народная партия не хочет иностранных студентов](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/11097>